

Константин Стешик

Грязнуля

(монолог)

1.

Умоляю вас, никогда не забывайте закрывать входную дверь в квартиру! Слышите? Никогда! Я знаю, о чём говорю, потому что это именно я тот, кто однажды, отвлекшись на сигнал телефона, не закрыл входную дверь на замок, а просто захлопнул её. Такое, кажется, простое действие – два раза крутануть барашек влево, а я совершенно выпустил его из внимания. Той же ночью всё и началось.

Я проснулся в полной темноте ночи, смутно осознавая причину пробуждения – вроде бы грохнула входная дверь. Да нет, приснилось, подумал я, не может такого быть, я же всегда запираю дверь на замок. Я уже почти уснул снова, но крохотная назойливая мысль на периферии моего сонного сознания начала пульсировать, разрастаясь, и в итоге выдернула меня из дремотного состояния: «Я забыл крутануть барашек... Я забыл крутануть барашек. Я забыл крутануть барашек!..»

Я тут же встал и пошёл в коридор, к закрытой, в чём я изо всех сил пытался себя убедить, двери, нажал на ручку – и... дверь распахнулась в пустое и тёмное пространство подъезда. Всё-таки забыл. Я живу один, в старом советском доме, в квартире из двух крохотных комнат.

За дверью у меня лестничная площадка, пролёт вниз, пролёт вверх, плетёный коврик перед дверью. За которым я всегда слежу – чтобы лежал ровно и был чистым. И который сейчас валялся примерно в метре от двери, изрядно потоптанный.

Я подвинул босой ногой коврик поближе и подумал уже было о том, что завтра почищу его, как вдруг мой позвоночник холодным шомполом пронзил страх, даже дикий ужас, вызванный случайной мыслью о звуке, из-за которого я проснулся. Грохот входной двери. Кто-то открыл дверь и грохнул ею, закрывая. Может быть, даже кто-то вошёл в квартиру. И стоит где-нибудь у меня за спиной и готовится ударить меня ножом в эту самую спину...

Руки заходили ходуном, но я умудрился-таки попасть деревянными пальцами в выключатель и развернулся на пятках, одновременно закрывая дверь и судорожно проворачивая барашек.

В коридорчике, кроме меня и моего отражения в зеркале, никого не было. Не было никого в спальне. Не было и в другой комнате. На кухне. В ванной. В туалете. Ни в одном из шкафов. Никого – под столом, под кроватью, в ящиках комода. Я немного успокоился и, решив, что это подсознание напомнило мне о незакрытой двери приснившимся грохотом, забрался в постель и уснул.

Утром я почти не помнил о ночном происшествии, спешно собираясь на работу и завтракая и одеваясь одновременно. Всё было вроде бы неплохо, разве что где-то глубоко под ворохом копошащихся мыслей о предстоящей работе таился неприятный кислый осадочек.

А ещё в квартире как-то не очень приятно пахло. Чем-то залежалым. Старым кожухом, что ли? Хотя откуда мне знать, как пахнет старый кожух, подумал я, открыл все форточки и ушёл на работу, тщательно подёргав запертую на два оборота ключа дверь.

Вернувшись с работы, забыв про ночное происшествие вовсе, я вставил ключ в замочную скважину и повернул. Один раз. Потому что второго раза не получилось – дверь была заперта только на один оборот.

Я постоял у двери, разглядывая сдвинутый коврик и автоматически поправляя его носком ботинка. Я боялся входить в собственную квартиру. Там наверняка кто-то был.

Медленно нажав на ручку, я открыл дверь и вошёл. Постоял в коридорчике, закрыв за собой дверь и прислушиваясь. В квартире было тихо. Монотонно гудел холодильник – и всё. Я тщательно обследовал каждую комнату. Никого.

Но на полу – непонятные грязные разводы, словно кто-то ходил по квартире в грязной обуви, чего я себе никогда не позволяю. Постель моя была скомкана, хоть я и заправил её утром очень тщательно, как обычно и делаю. Постельное бельё оказалось вымазано чем-то маслянистым и пахло отвратительно. Я тут же снял его и понёс в ванную, намереваясь закинуть в стиралку.

На дне ванны была грязь и... волосы. Длинные толстые тёмные волосы. Меня чуть не стошнило.

Я бросил бельё в стиралку и пошёл на кухню. Там тоже оказалось полно следов чьего-то пребывания: купленная мной вчера половинка батона была раздавлена и «украшена» со всех сторон отпечатками грязных пальцев, в моей любимой чашке плавали непонятные бурые опивки, а ручка её оказалась и вовсе отбитой, на столе и табуретках красовались непонятного происхождения омерзительные разводы, а раковина была буквально вся покрыта толстым слоем рыжего жира. Пахло на кухне чем-то очень тревожным, словно кто-то три часа кряду жёг здесь волосы или перья, поливая их при этом свиным жиром.

Меня затошнило, я побежал в туалет и... от увиденного там меня тут же вырвало. Унитаз был полон тех же волос, что лежали на дне ванны, плюс какие-то мерзкого вида присохшие кусочки будто бы кожи или чего-то в подобном роде. Выворачивало меня несколько минут, я аж вспотел.

Начав уборку, с которой я провозился до самой ночи, я обнаружил, что все форточки закрыты.

Заснуть я, конечно же, не мог. Я полночи лежал и прислушивался, но, так ничего и не услышав, встал, оделся и сел за ноут. Стоит ли говорить, что весь следующий день я только и делал, что косячил на работе, страдая от недосыпа и содрогаясь от мысли, что на этот раз ждёт меня дома?

Может быть, не идти домой? Попроситься на ночёвку к Виталику?

Да нет, неловко как-то. Смешно даже рассказывать о причине, решит, что я с ума сошёл. Сейчас приеду домой – убеждал я себя, – а там всё нормально, полный порядок и чистота. Всё будет хорошо – упивался я самообманом и почти убедил себя, что просто переутомился, вот мне и кажется всякое, но возле самого дома вдруг занервничал. Как оказалось – не зря.

Коврика у двери не было вообще. Ключ в замок вошёл с неприятным скрипом, словно в скважине был песок или сахар. Дверь открывалась с трудом – она как-то перекосилась, что ли. Я, колотясь от ужаса, вошёл в квартиру и замер.

В квартире воняло так, что у меня потекли слёзы из глаз. Все форточки опять были наглухо закрыты. Все стены – измазаны какой-то тошнотворной дрянью. Кое-где – изодраны обои. Кровать – сильно продавлена, словно по ней несколько часов скакали в грязной обуви, постельное

белье скручено в жуткого вида сальный комок, подушка выглядела так, словно в неё, изрядно разодранную, кого-то основательно стошнило. Про кухню и ванную с туалетом я и говорить не хочу – там всюду был этот мерзкий жёлтый жир и волосы. Ноут мой валялся на полу, растоптанный. Из телевизора торчал нож, ручка которого вся была покрыта жиром.

Я бросился к телефону – звонить в милицию, но трубка была раздроблена, а провода будто бы разгрызены. Как назло батарея моего мобильного разрядилась несколько минут назад. Я начал искать зарядное и обнаружил его под столом... правильно – с оборванным проводом.

И тут – я так и не смог понять, откуда именно – пошёл, нарастая, жуткий звук.

Сначала я подумал, что это кошачий вопль, но после понял, на что это больше походило. Точно так же выла подруга моей матери, когда забывала выпить свои таблетки, – протяжно, со странными клацающими звуками, идущими словно из горла, и не понятно было, плач это или же страшно растянутый во времени смех.

Вой нарастал и нарастал, он становился всё громче, а я, краешком сознания отмечая тепло на бёдрах от струящейся по ним мочи, стремительно пятился к выходу из квартиры.

Я выскочил на лестничную площадку и хлопнул дверью. Вой стал тише, но не так чтобы очень. В дверь со стороны квартиры что-то со страшной силой ударило. Раз, другой. Третий.

Я трясущимися руками кое-как впихнул ключ в скважину, закрыл замок на два оборота и помчался по лестнице вниз, не оборачиваясь. Только на улице избавился я от кошмарного звука.

Виталик, мой лучший друг ещё с детского сада, принял меня без разговоров, разве что с недоумением покосился на мои штаны и загадочно улыбнулся, когда я попросил у него что-нибудь чистое из одежды – переодеться.

Меня трясло, я и хотел бы ему всё рассказать, но не мог связать и двух слов. Жена Виталика, Оксана, накормила меня наверняка вкусным ужином, но я не заметил, как всё проглотил, – я не чувствовал вкуса, просто тупо забрасывал в себя еду, стараясь не думать вообще. Ближе к ночи я немного расслабился, выпив пару банок пива. В квартире уютно пахло, было тепло, и я мгновенно уснул на своём привычном гостевом диване.

Разбудил же меня рано утром удивлённый голос Виталика. Виталик, кажется, разговаривал с женой. Сначала я не мог разобрать слов, но, прислушавшись, похолодел. Руки сами собой начали загребать на себя разбросанную одежду.

Я понятия не имел, где буду ночевать. Может, останусь на работе. Может, даже на улице, чего совсем не хотелось – зима же, холодно. Я не знал, что мне делать и куда идти. Точно не к ментам. Потому что знаете, что сказал Виталик своей жене?..

«Оксана, ладно грязная раковина, хер бы с ней, но я не понял, что это за жирная волосня валяется в ванне?»

2.

Из квартиры Виталика и Оксаны я выкатился как угорелый, даже не думая разговаривать с другом и его женой и по ходу движения с досадой отметив, что дверь-то, оказывается, Виталик на ключ не запер!

Мне было страшно, но вместе со страхом во мне шевелилась злость на Виталика, хоть я и понимал прекрасно, что никакой его вины в том, что происходит со мной, нет точно. Сам дурак – думал я, – поленился запереть дверь? Так пусть теперь мучается!

Волна злых мыслей на какое-то мгновение перекрывалась страхом – а вдруг эта дрянь меня преследует и у Виталика не останется, если я к нему не вернусь? Вдруг она теперь будет ходить за мной по пятам куда бы я ни пошёл?

Надо будет позвонить Виталику. Завтра. Чтобы наверняка. Если у него всё будет в порядке дома, то тогда да, мне звезда пришла. Если же нет... если его квартира превратится в такую же кошмарную помойку, какой стала моя, то...

Что будет в этом случае я подумать не успел, потому что пришёл на работу – и тут же пришлось втягиваться: Вера из бухгалтерии наткнулась на меня можно сказать на пороге и сразу же начала кричать, потрясая у меня под носом ворохом бумажек.

Честно говоря, я не сразу сообразил, что она от меня хочет. Раньше я её побаивался, старался избегать, но теперь я был почти рад этой пунцовой от излишнего здоровья бабище. Уж лучше она всю оставшуюся жизнь, чем то, что творится в моей квартире. И в моей жизни.

Оказалось, что нужно всего лишь переделать несколько накладных. Я даже заулыбался, чем несколько смутил валькирию из бухгалтерии – мне кажется, она мою улыбку видела вообще первый раз за всё время совместной работы, – схватил накладные и помчался в кабинет. Работать. Не думать. Полностью занять голову всей этой ерундой, за которую я получаю деньги.

День проскочил как-то совсем незаметно. Я поднял голову от стола и обнаружил, что за окнами прилично темно, а в кабинете я почти один. В дальнем углу красила губы Маша, потешно поворачивая голову. Я уже приготовился пошутить что-нибудь, такое у меня хорошее было настроение, но неожиданно вспомнил, что сегодня не ел и не пил вообще ничего.

Маша поднялась со стула, подхватив сумочку, и неторопливо, как-то, что ли, царственно пошла к выходу. И совершенно спокойно выключила весь свет в кабинете. Словно кроме неё здесь не было ни души.

Я подскочил, задел степлер левой рукой, степлер покатился через стол, на ходу ударился о кружку и, наконец, свалился на пол. Наделав приличного шума. Маша, ничуть не смутившись, включила свет.

– Ты остаёшься? – Она задала вопрос, не поворачивая головы в мою сторону, будто бы я был болен какой-то специальной чумой, передающейся посредством взгляда. «Неужели что-то чувствует?» – содрогнулся я.

– Да, поработаю ещё. – Я почти сел на место, но тут же встал снова. – Скажи, пожалуйста, гардеробщице, пусть закрывается, я заночую.

– Вообще-то нельзя. – Маша всё так же не смотрела в мою сторону. Меня начинала бесить эта её новая манера общения. Раньше она себя так не вела. Смотрела прямо в глаза с откровенным презрением, но всё-таки смотрела!

– Я поговорю завтра с Павлом Витальевичем. Расскажу ему, – сказал я и тут понял: она ждёт, чтобы я начал упрашивать. Вот сука. – Пожалуйста.

– Верхний свет не жги. Включи настольную. И чайник не включай, он жрёт много. – Маша клацнула ногтем по выключателю несколько раз. У меня от этого звука во рту стало горько, а живот скрутило. Я уже слышал его, совсем недавно. У себя дома...

– Гардеробщице скажу. – Маша щёлкнула выключателем и вышла, не закрыв за собой дверь в кабинет.

– До завтра! – выкрикнул я вслед Маше, но ответа не услышал.

Как только затихли каблуки на лестнице, я в неожиданном бешенстве бросился к двери и захлопнул её с несколько чрезмерным усердием. Звук от удара гулко прокатился по коридору.

В почти полной темноте я пошёл к своему столу. В окна долетал тусклый свет далёких фонарей на проспекте, но он скорее мешал, чем помогал видеть.

Ногой я задел степлер. Тот проехал по полу с неприятным звуком и замер. Замер и я.

В здании было очень тихо. Гардеробщица тётя Саша наверняка уже запирает свои владения, тихо матеря мою одинокую куртку на вешалке.

Во всём корпусе, скорее всего, никого больше нет. Только я. И сторож на проходной, вспомнил я. Точно. Сторож. Если что, можно будет пойти к нему, подумал я с какой-то детской надеждой на защиту. «А есть ли у него пистолет?» – размышлял я, включая настольную лампу и хватаясь за электрический чайник на общем столе. «Должен быть», – успокоил я себя.

Чайник был пуст. За водой нужно идти в туалет. Заодно и мочевого пузыря опорожню. Я же сегодня ни разу в туалет не ходил! До меня вдруг дошло, откуда эти неприятные ощущения внизу живота. Я, оказывается, дико хотел по-маленькому.

Света в коридоре не было. Только в самое дальнее торцевое окно заглядывал какой-то чахлый источник фотонов – луна, что ли? Идти как раз к этому окну, в самый конец коридора.

Я щёлкнул выключателем, но привычного жужжания ламп дневного света вслед за щелчком не последовало. Выключатель был, кстати, какой-то на ощупь не очень приятный – помадой его, что ли, кто-то вымазал? Я посмотрел на пальцы, но ничего толком не увидел.

Потом зачем-то вспомнил вой, от которого так спешно сбежал к Виталику. Зря вспомнил. Эта помада на выключателе наверняка никакая не помада. А жир. Или... Тьфу ты! Я не стал продолжать мысль и решил идти вперёд стремительно, напевая вслух. Невыносимо хотелось справить малую нужду.

Я пошёл вперёд, мыча под нос эту новую, толком мной не расслушанную странную песню про штаны и лабутены и агрессивно размахивая чайником... В метрах семи от торцевого окна кто-то лежал. Освещённый, может, и не очень хорошо, но всё же вполне различимый. Кто-то чёрный и длинный.

Я заткнулся на полуслове и встал на месте. Так или иначе мне придётся к нему идти, даже если я захочу тупо отсюда сбежать. Выход с этажа только один. И он за лежащим – справа, а туалеты – слева. Этаж хоть и второй, но потолки высокие. Прыгать вниз где-то с десяти метров я не хотел совсем. Да и решётки на окнах.

Я глубоко вздохнул. То, что лежало впереди, продолжало лежать и не двигалось. Кто-то уронил куртку и так и оставил? Вряд ли. Тогда что это? Что-то очень чёрное и слабо похожее на человека.

Я переставлял ноги медленно-медленно, стараясь не издавать ни звука, что было глупо, если учесть, сколько шума я наделал почти только что. Я уже практически успокоил себя, что это

чья-то рабочая роба, в спешке брошенная на пол и забытая, как вдруг эта самая роба подняла голову. Со странным звуком, похожим на скрип и стон одновременно.

Я чуть не задохнулся, остановившись. От напряжения у меня затикало в голове, казалось, что виски вот-вот лопнут. Я пытался сглотнуть, но во рту было горько и сухо – слюна отсутствовала напрочь.

Я стоял и смотрел. И не мог понять, что я вижу. Сначала мне казалось, что это человек. Вроде бы волосы, не очень длинные, свисают по краям головы. Если это голова. Потом мне стало казаться, что это собака. Большая чёрная собака, и это у неё не волосы, а уши. Потом я снова увидел в лежащей на полу фигуре всего лишь чью-то затвердевшую от грязи робу – если бы не голова! Которая поднялась от пола совсем чуть-чуть.

Как только я сделал шаг назад, голова продолжила подниматься с тем же отвратительным стоном-скрипом. Я сделал ещё шаг, а голова поднялась ещё сильнее. Она уже была в вертикальном положении относительно лежащего на полу тела, но продолжала двигаться – и вот уже странно и страшно загнута назад. Ни человек, ни собака так бы не смогли. А у роботы просто не бывает головы.

Я не выдержал и рванул к кабинету, едва не выронив чайник. Захлопнул дверь за собой и повернул барашек два раза. Отошёл от двери, после подошёл к ней опять и проверил. Да, запер. Я поставил чайник на стол. Руки тряслись.

Я понял, что сейчас обмочусь.

Дурацкую мысль – опорожнить пузырь в чайник – я с негодованием отмёл. На подоконнике есть большая кадка с фикусом. Его-то я и полью.

Поливал я долго. Мне казалось, что стон-скрип в коридоре пропал, но как только закончила журчать моя струя, я тут же услышал его снова. Едва не хныча от досады, я посмотрел на окна. Чёртовы решётки. Как же хочется пить. Баррикадируя дверь диваном, я заплакал от ужаса и усталости.

– Сука! – заорал я на дверь. – Уйди, сука! – и тут же замолчал, испугавшись собственного крика.

Стон-скрип пропал. Но, не прошло и пяти секунд, как я услышал новый звук, не менее мерзкий. Такое ощущение, что по коридору кто-то бежал, стуча когтями по бетонному полу. И бежал не очень понятно где именно. Словно по всему коридору сразу.

Может быть, нужно всё-таки кричать как можно громче? Чтобы услышал сторож? А если не услышит?

На проходную можно позвонить, сообразил я едва способным думать мозгом – и бросился к телефону. Схватил трубку, но она выскользнула из моей ладони и улетела в стену, с треском расколовшись. В кабинете работала только настольная лампа, но даже при её свете я заметил, что на ладони моей жир и... волосы.

Я побежал к выключателю и нажал. Лучше бы я этого не делал. Буквально всё вокруг было измазано чем-то бурым – словно бы раздавленной свиной печенью. И волосы, волосы!.. «Волосня» – вспомнил я неприятное слово, прозвучавшее сегодня утром из уст Виталика. Это слово подходило как нельзя кстати к той гадости, которая была на всём. Даже на салфетках, которыми я хотел вытереть руку.

С моей настольной лампы свисал кусок какой-то дряни, похожей на бледную кожу. А потом упал на одну из накладных. И тут же в дверь что-то затюкало.

Стремительно нарастала выедающая глаза вонь.

Тюканье породило в моей голове странную картинку: собачья голова с выклеванными глазами свисает с грязной верёвки и беспорядочно стучается о дверь, задевая поверхность наполовину вывороченным клыком.

Взвизгнув, я отскочил от двери к одному из окон и забрался с ногами на подоконник, хлопая по карманам штанов в поисках мобильного. Звонить ментам. В МЧС. В скорую. Куда угодно. Только пусть выковыряют меня отсюда. В психушку – лишь бы прекратить всё это. Но мобильного в карманах не оказалось. Да, точно. Штаны-то не мои.

Телефон остался у Виталика. Трубку городского я расхерачил. Осталось или кричать, или вылезать через окно. Но решётки!

Тюканье превратилось в поскрёбывание. Очень и очень неприятное поскрёбывание.

Я встал на подоконнике высокого окна в полный рост и схватился за ручку. Старая рама захрипела, не желая поддаваться, стекло затряслось, но правая створка окна в итоге распахнулась. Я посмотрел на улицу за решёткой. Там было темно и холодно. Фонари на проспекте больше не горели.

Когда я обернулся, чтобы посмотреть на дверь, с потолка упало что-то большое и бесформенное – с оглушительным чавкающим плюхом. В ту же секунду погас весь свет вообще – даже настольная лампа.

Я запретил себе думать. Просто навалился на решётку всем телом. И выпал вместе с решёткой в окно.

3.

Если бы я мог выбирать, где мне очнуться, я выбрал бы, конечно, вполне уютную больничную койку. Лежишь себе в тепле, под присмотром, постепенно приходишь в себя. Я не отказался бы даже от мента, сидящего у моей постели, – лишь бы только иметь возможность какое-то время побыть в покое. Но возможности выбирать у меня не было.

Когда ко мне вернулось сознание, я обнаружил, что иду, пошатываясь, по колено в снегу, крепко сжимая окоченевшими пальцами прутья чёртовой решётки. Я зачем-то тащил её с собой.

Ценой невероятных усилий – и помогая себе коленом – я разжал пальцы правой руки и, уже при помощи пальцев правой, отлепил пальцы левой. Они отказывались слушаться – кисти рук напоминали голубоватые клешни. Я пытался отогреть их дыханием, запихивал под свитер. Помогало не очень.

Левый глаз ничего не видел. Чисто на автомате я попытался до него дотронуться. Зря. Ощущение было такое, словно я куском замороженной рыбы со всей дури ткнул прямо в голый нерв. От боли я взвизнул и чуть было снова не потерял сознание. Но удержался. Постоял. Покачался. Немножко потошнил на снег желудочным соком и кровью. И снова пошёл.

Куда я иду, я не особо понимал – да и не старался. Куда угодно, лишь бы подальше от преследующей меня дряни. Не так далеко от нашего офиса был парк – в нём я, по всей видимости, и оказался. Брёл мимо темнеющих в ночи деревьев, загребая ногами снег. Пока не

наткнулся на домик, над трубой которого вился дымок, а в окне очень по-домашнему мерцал телевизор.

Какой-то дедок с длинными седыми усами сидел в домике за столом и, кажется, пил горячий чай. Может быть, даже с конфетами.

Во мне тут же закипела борьба двух сил. Одна из них орала, захлёбываясь, чтобы я валил мимо – и как можно быстрее, пока меня не заметили. Вторая же умоляла открыть калитку и, не обращая внимания на заливающуюся лаем собаку, идти к крыльцу – стучаться в дверь, просить о помощи. Если надо будет – на коленях.

Собака и правда заливалась. Хорошо, что она на цепи, подумал я, скрипя калиткой. Вторая сила одолела первую. У неё был железный аргумент. «Просто скажи деду, чтобы сразу запер дверь на ключ». Элементарно.

Дедок, похоже, услышал собачий лай, потому как подхватился, пошёл было к двери, но тут же вернулся к столу, сербанул чаю из гигантской чашки с сиреневыми цветами и шустро так поковылял куда-то прочь из поля зрения.

Я не успел постучаться – дверь распахнулась, в лицо мне ударил свет голой лампочки, свисавшей с потолка сеней на обкаканном мухами проводе, а я стоял с поднятой рукой, словно держась за невидимый поручень, и пошатывался.

Дед поначалу испугался и даже отпрянул, но после бросился ко мне и обхватил меня вокруг талии сухонькими, но крепкими ручонками. Потому что я начал заваливаться вправо и чуть было уже не треснулся виском о косяк.

Внутри было, наверное, просто тепло, но мне показалось, что там царит настоящая африканская жара. Руки мои пылали, пусть и без видимого пламени. Лицо тоже полыхало, особенно слева.

Дед начал было спрашивать, кто это меня так разрисовал, но я попытался крикнуть, но, на самом деле, только прохрипел – «Закройте дверь... на замок!»

Дедок, видимо, понял что-то своё. Он пошёл забрал со двора собаку, которая теперь молча виляла в мою сторону хвостом, но подходить боялась, запер дверь – я проследил! – на огромный амбарный замок и, подойдя к старенькому шкафу и распахнув дверцы, вынул из его недр приличных размеров ружьё.

Я немного успокоился. Этот человек, пусть и старый, делал всё правильно.

– У вас есть телефон? – вопросительно прохрипел я.

– Да-да, конечно! – Дедок метнулся куда-то в сторону и тут же протянул мне трубку новенького радиотелефона. На которую я посмотрел без особого доверия, но взял. Дед скривился в улыбке. – Внук подарил. Он хороший.

Я так и не понял, кто именно хороший – внук или телефон, но в данный момент меня это мало интересовало. Я набирал номер Виталика.

– Алло... – голос был заспанный и чуть удивлённый. У меня отлегло от сердца. Значит, у Виталика точно всё в порядке, раз он сейчас спит.

– Виталик... – каркнул я в трубку.

– Кто это?.. – Виталик меня не узнал, что не удивительно. Я бы сам себя не узнал. Ни голос, ни внешность, ни мысли на мои прежние не походили совсем. Просто категорически.

– Виталик... Это Макс. Слушай...

– Макси-им? – удивлённо потянул Виталик моё имя за хвост. – Ты что, заболел?..

– Вроде того... У меня к тебе просьба...

– Погоди. Тут, короче, такая ситуация... Я твоего рабочего не знаю, а мобильный ты у меня забыл. Так вот он целый день с утра разрывается...

– Давай потом об этом, пожалуйста... – захныкал я. Но Виталик не дал мне продолжить.

– Нет, стой! Это важно. Очень важно. – Он помедлил. – Звонила твоя мать.

– Зачем?.. – сипло выдохнул я и удивлённо посмотрел на дедка. Тот стоял напротив, баюкая ружьё и внимательно разглядывая моё лицо. Левую расквашенную сторону моего лица.

– Твоя сестра умерла. Извини за такую новость посреди ночи. – Виталик помолчал. – Ты откуда, кстати, звонишь? Номер какой-то незнакомый...

...Уже засыпая с тяжёлой, но перевязанной головой на вполне уютной больничной койке, я думал о Таньке. О том, как плохо мы с ней пообщались в последний, как оказалось, раз. Ну как пообщались... Если быть совсем честным, то я её выгнал.

Она в очередной раз приезжала ко мне пожить – не заладилось с неизвестно каким по счёту гражданским мужем, он выпер её, а потом и я выпер. Потому что ужиться с ней не мог. Всякий раз я давал себе слово, что вытерплю, потому что я человек взрослый, и всякий раз позорно срывался, словно прыщавый школьник. Орал на неё, красномордый от натуги, швырял в неё вещи – её вещи, брызгал слюной. До рукоприкладства не доходило – вырванных волос и сломанных пальцев нам обоим хватило в детстве. А теперь Таньки нет.

Когда я, ещё до больницы, спросил у Виталика, упоминала ли мать о причине смерти, Виталик не ответил и с преувеличенной заботой стал заталкивать меня на заднее сиденье своего опеля, стараясь не смотреть мне в глаза. Ну понятно. Суицид. Как того и следовало ожидать.

Дедок наотрез отказался брать деньги за помощь и порывался поехать с нами, не выпуская ружьё из рук, но Виталик сумел его отговорить.

Долго мы ехали или нет, я не знаю, потому что отключился, съехав по сиденью вбок, и включился только в тот момент, когда мою изувеченную бровь уже аккуратненько зашивали.

Утром я узнал, что у меня, помимо разбитой брови, ещё сотрясение и несколько незначительных ссадин, что завтра меня выпишут – и я смогу пойти, ура, домой. Ага. Было бы куда идти.

Я боялся даже представить, что творится у меня дома в данный момент. А ещё мне было удивительно, что за мной не приходит милиция – или хотя бы не навещает врач-психиатр, если учесть то, что я натворил на работе. Ну, не только я. В меньшей степени я. Хотя, возможно, у Павла Витальевича есть свои причины не заявлять в милицию – даже с учётом разгрома в офисе.

Целый день я отлёживался, отрываясь от постели только на приём пищи. А вечером в палату пришла дежурная сестра. Посмотрела на меня, украшенного тюрбаном из бинтов, долгим взглядом – и сообщила, что меня к телефону просит какая-то женщина. Наверное, мама.

Меня? Мама? Откуда она может знать, где я? Хотя... Возможно, ей Виталик сказал. Но если не мама, то, может, жена. Бывшая. Ей, конечно, незачем, но мало ли. Вдруг думает, что я при смерти. Она хоть и бывшая, но человек хороший.

Вот Танька бы моей смерти точно обрадовалась. У неё в этом плане комплексов никогда не было, думал я, шаркая по коридору за дежурной сестрой. Танька много раз желала мне сдохнуть, а я всегда боялся ответить ей тем же. Кроме последнего раза.

Дежурная протянула мне трубку. Я присмотрелся к тусклой пластмассовой поверхности – чистая, разве что в царапинах. Взял, приложил к уху.

– Алло. – Я уже почти не хрипел, но разговаривал всё равно с некоторой натугой. В трубке свистел лёгкий электрический ветер и что-то негромко щёлкало. Я повторил своё «алло». Некоторое время ничего, кроме шума, я не слышал, но после разобрал какие-то далёкие звуки. Будто бы женский смех.

Я «аллокнул» в третий раз. Теперь уже кто-то явственно рассмеялся. Как бы отвечая мне, но не словами.

– Кто это? – Я уже понимал, что это не Женька – моя бывшая. Та смеялась по-другому. Мать смеяться бы не стала в ответ на «алло», она женщина с железной психикой – когда умер отец, мама горя своего не выдала ничем, хоть и любила его всю жизнь. Смех в трубке был незнакомым. Вроде бы.

– Кладу трубку, – решил я на шантаж. Щелчки стали громче. Напоминали они другие, не самые приятные звуки.

– Простите, я ошиблась номером, – сказал кто-то женским голосом, едва сдерживая смех. У меня под коленками стало неприятно томно.

– Таня? – Зачем я это ляпнул? Понятия не имею. Но женщина в трубке расхохоталась. Тоненько себе подвывая. И клацая горлом.

Постепенно смех менялся на уверенный вой. Всё чаще звучало это отвратительное «клац, клац». А я не мог никак заставить себя положить трубку.

Нестерпимо заболела голова, левая, набухшая под повязкой бровь болезненно запульсировала.

Остро захотелось разбить телефон и бежать отсюда. Только вот куда? У меня теперь ничего нет, кроме больничной пижамы, дубовых тапок и пакета с апельсинами и яблоками, который в часы посещения привезла Оксана.

– А может быть, и не ошиблась, – сказал в трубке захлёбывающийся воем голос.

Вой нарастал. У меня затряслась челюсть.

– Почему ты никак не сдохнешь? – сказал я в трубку с неподдельным удивлением и прикусил язык. То есть, натурально прикусил – до крови.

Резкая боль отрезвила меня. Я отдёргнул трубку от уха.

На мгновение мне показалось, что из неё струятся полупрозрачные чёрные волосы. Из раструба трубки выло так, что дежурная сестра, которая в нескольких метрах от меня пялилась увлечённо в планшет и пила чай, сидя за журнальным столиком, подняла голову и посмотрела в мою сторону с нескрываемым ужасом.

– Что это? – прошептала она.

– Проблемы на линии, – сказал я, тряся головой. Говорить получалось не очень хорошо – челюсти сводило.

Я бросил трубку ещё советского телефона на рычаг и начал медленно сползать по стеночке – в спасительную темноту и тишину отсутствия сознания.

4.

Но долго отдыхать мне не дали – ватка с нашатырём вернула меня к действительности. Чему я совершенно не обрадовался – действительность была тёмной, унылой, по всем направлениям утыкающейся в тупик.

Я несколько минут дышал с выпученными глазами, заботливо усаженный сестрой на продавленный диванчик – на нём дежурные врачи и сёстры, видимо, дремали по ночам.

Мне предложили стакан воды из-под крана. Я согласился. И выдул весь. Потом выдул второй. Вроде бы полегчало.

– Можно я позвоню? – я потянулся к трубке. Сестра посмотрела на меня с недоверием и через короткую паузу кивнула. На всякий случай снова извлекая из стеклянного шкафа пузырёк с нашатырём.

Я звонил Виталику. Через бесконечное количество гудков он поднял трубку.

– Ну чего? – Виталик был, мягко говоря, зол. Может быть, даже свиреп. Похоже, вообще не хотел разговаривать, но, подумал я, придётся ему потерпеть – обращаться мне было больше не к кому.

– Это я... – Получилось не очень, сквозь клёкот в горле, и я попробовал ещё раз, коротко откашлявшись. – Это я!

– А, Макс! – Голос Виталика явно стал мягче. – Чего не спишь-то? Больной.

– Скоро лягу. Ты-то чего такой злющий? – Я поднял правый глаз на сестру. Та ковырялась в планшете, изредка настороженно на меня взглядывая.

– Слушай, целый день на домашний звонят! Спрашиваю – кто? – так никто не отвечает, смех один, звуки всякие дебилные!.. Достали... – Я судорожно сглотнул.

– Да это пранкеры, – выпалил я, спеша сменить тему. – Виталик, ты можешь за мной приехать, скажем... э... – я запнулся.

– Завтра? Давай завтра, а? – Виталик моему вопросу точно не обрадовался. – Чувак, ну вот честно, нет сил. Не выспался нихера, работал целый день, ну... ты сам понимаешь.

– Да, окей. – Я вздохнул. Вздох получился дрожащим, будто я вот-вот расплачусь. Да я бы и не против поплакать-то. Нервы не железные же. – Ты только это... вот прямо сейчас возьми мой мобильник...

– Я не помню, куда его положил, серьёзно. Давай завтра.

– Нет, сейчас возьми и выключи. И батарею с симкой достань.

– Это ещё зачем, – Виталик заметно устал от разговора. Я, впрочем, тоже. – Ты мне, похоже, не всё рассказываешь. Что там происходит-то, а? В жизни твоей.

– Да жопа. Самая обыкновенная. Со всеми случается, – сказал я, сам ни капли не веря своему фальшивому, преувеличенно беспечному голосу. – Я всё расскажу. Ты только сделай, как я прошу.

– Сделал уже, вот только что. – Я и правда услышал постукивание пластика о дерево – раскладывает по очереди части разобранного телефона на подоконнике или кухонном столе.

– Спасибо. Когда я положу трубку, ты и домашний отключи. Иначе спать не будешь.

– А ты точно уверен, что это дети балуются?.. Как-то оно всё...

– Да, – сказал я, думая «нет». – Жду тебя завтра.

– Как только освобожусь...

– В любое время, – перебил я. – Споки.

И положил трубку. Быстро, но спокойно. Сестра посмотрела на меня чуть недоверчиво.

– Всё хорошо?

– Да, – ответил я, снова имея в виду откровенное «нет».

Я поплёлся в палату.

Соседи похрапывали на разные лады, а мне спать расхотелось. Я сидел на кровати, смотрел в окно на луну и думал о своей сестре. О Таньке. О том, что я не верю и никогда не смогу поверить в то, что она может каким-то образом вредить мне, будучи бесповоротно мёртвой. Да, за последние дни я повидал порядочно всякого говна, но верить в его паранормальную природу отказывался. Склоняясь к тому, что это у меня, похоже, с башней нелады, а не у загробного – или какого ещё там – мира со мной.

Мне начинала нравиться спокойная мрачность больницы. Возможно, в психушке мне ещё больше понравится. Кто знает.

Стало грустно. Я заплакал, отчаянно пытаюсь вспомнить лицо своей сестры. Ничего не вышло.

Луна куда-то завалилась, а я прилёг, обнял себя руками – и отрубился.

Проснулся я от того, что кто-то трогал мои губы. Ещё не до конца придя в себя из не очень весёлого сна про детство, я попытался отмахнуться, но чужие пальцы снова тронули меня за рот. Теперь с чётким намерением в него пробраться. Они пытались раздвинуть мои зубы.

Я отпрянул, чуть не свалившись с постели, и открыл глаза. В палате было темно, но я разглядел фигуру, зависшую надо мной. Дежурная сестра. Она смотрела не на меня, потому что я чётко видел её профиль с чуть вздёрнутым носом.

Пальцами правой руки она погладила меня по щеке, но было в этом поглаживании что-то странное. Будто бы гладила она меня чужой рукой, которую держала в своей, пряча её в длинном рукаве халата.

– К тебе пришли, – сказала дежурная сестра.

– Что, сейчас? – спросил я глупо, медленно вставая с постели и пятясь к стене.

– Нет, вчера, – сказала сестра, коротко хохотнув. – Пошли.

Я не знаю, зачем пошёл. Может быть, потому, что оставаться мне было страшнее. Идя за дежурной сестрой к выходу из палаты, я думал – а что будет, если я сейчас тихонечко возьму стул и врежу ей сзади по затылку? Идея идиотская в любом случае. Если это на самом деле дежурная сестра, только в приступе лунатизма, то сладкому безментовью в моей жизни наступит скоропостижный и мучительный конец. Если же это замаскировавшаяся дрянь...

Я ещё ни разу ничем её не лупил, эту гадость, потому понятия не имел, какой реакции следует ожидать. Может, меня в две секунды разорвут на мелкие лоскутки. Может, стремительно отправят вниз по трубе – прямоком в юдоль скорби и постоянной зубной боли. А может, ничего не будет. Разве что сломается стул.

Мы вышли из палаты. Сестра пошла вперёд по внезапно тёмному коридору. Свет не горел. Только какие-то далёкие случайные блики позволяли хотя бы немножко ориентироваться в этой сгущёнке из тени. Я остановился.

Мне всё это ужасно не нравилось.

Сестра чуть споткнулась – я обратил внимание, что шагов её совсем не было слышно, словно она босиком, – и развернулась в мою сторону. На лицо дежурной сестры упал тусклый краешек света из окна в коридоре – может быть, фары проезжавшего мимо авто.

Сестра повернулась ко мне, но смотрела мимо меня – куда-то вниз и влево. И я тут же вспомнил Машу. И понял, что никакая тогда это была не Маша.

– Ну? Чего встал? – спросила сестра насмешливо. – Идём? Или как?

«Куда ж ты меня ведёшь?» – думал я, пытаюсь не рухнуть на подгибающиеся колени.

Нет, ну чего я паникую раньше времени? Может, я просто сам себя запугиваю. Мало ли какая она вообще, эта девушка. Я же не знаю о ней ровным счётом ничего, кроме того, что она любит чай и тыкать пальчиком в планшет.

Пытаюсь унять дикий ужас, я закапывал логику как можно глубже, успокаивая себя при помощи невыразимо диких аргументов. Наверное, животное, идущее на бойню, тоже старается думать о хорошем, в упор не видя окровавленных крюков. Хотя откуда мне знать – я на бойне ни разу не был.

«Сейчас будешь», – услужливо пискнул честный внутренний голосок.

– Давай... – шепнула она и махнула на себя рукой, призывая меня следовать за ней. Махнула чужовато, как не совсем трезвый подросток. Развернулась и пошла вперёд. Я за ней.

Проходя мимо поста, я рефлекторно повернул голову в его сторону – и вздрогнул так, что чуть не упал. Дежурная сестра спала, свернувшись калачиком на том самом диванчике – на котором не так давно пытался отдышаться я.

Или не спала. А просто лежала. Не двигаясь. Потому что... нет, не думай об этом!

Я повернул голову и посмотрел вслед поддельной дежурной сестре. Та шла по коридору, нелепо поддёргиваясь. Нервный тик, ага.

Я вышел из тапок и, стараясь ни звука не издать, на цыпочках пошёл к тому, кто спал на диванчике. Вдруг эта тоже ненастоящая?

Из коридора донеслось одинокое «кляц». Я чуть не подпрыгнул. Ноги подкосились, рука моя вылетела вперёд дрожащей коброй и ухватилась за стул. Который, сука, поехал по полу, омерзительно вереща. А за ним поехал и я, падая на колени.

Я услышал шаги в коридоре – кто-то быстро шёл, шлёпая босыми ногами по бетонному полу. Шёл, а после побежал, беспрестанно кляца горлом и хрипя.

Я, не вставая с колен, бросился на спящую и начал трясти за плечи, крича нечленораздельно и дико, как подбитая птица.

«Это» бежало со всех ног в нашу сторону, а я хотел уже стягивать тело дежурной сестры с дивана и закрываться им, раз она никак не проснётся. Да, трус. Но если она мертва, то ей уже всё равно.

– Да отвали ты! – проснулась настоящая дежурная, отпихнув меня и резко сев на диванчике.

Я упал на спину и больно ударился затылком о ножку стула. Но на пост никто не ворвался.

С подвывающим хохотом поддельный медработник побежал по коридору в обратную сторону. Кляц. Кляц.

Кляц.

Когда стало тихо, вразнобой стали включаться лампы в коридоре, слабо пощёлкивая и жужжа.

– Это ты свет выключал? – спросила дежурная, глядя на меня раздражённо и с тотальным недоверием. Глядя прямо в глаза.

Глупый вопрос какой-то.

– Нет, – ответил я честно. Я же не выключал. Насколько я знаю.

– А кто тогда? – Она продолжала смотреть на меня. Я неловко пожал плечами. Какие же у неё круги под глазами тёмные, подумал я. – Тебе плохо, что ли?

– Нет... – начал было я, но передумал. – Да. Голова болит. Можно таблетку?

Надо ли говорить, что в ту ночь я больше не спал? Сидел, дёргая коленом, на продавленном диванчике и ждал утра. В палату идти отказывался. Потому что боялся случайно заснуть.

Дежурная зыркала на меня злобно – я не давал ей спать – и вяло трогала планшет за экран. После не выдержала и предложила чаю. Я не стал отказываться.

Виталик приехал рано, около восьми, устало протянул мне пакеты с вещами и присел на стул – ждать, пока я натяну на себя его старые шмотки. Меня выписали, строго велели явиться в поликлинику на перевязку и до конца недели не читать и не пялиться в телефон.

Когда мы с Виталиком шли по коридору мимо поста – к лифтам, – я чуть замедлился, пытаюсь рассмотреть правым глазом свою дежурную сестру. Но на посту были какие-то незнакомые мне новые тётки. Что меня несколько расстроило. Наверное, ушла уже домой, помяная меня всеми плохими словами, какие только бывают. Или нет. Мне показалось, что она хорошая.

Уже на первом этаже старая и злая кастелянша пихнула мне в грудь пакет с моими безнадёжно извезюканными вещами. Еле успел его подхватить.

Пока мы ехали домой к Виталику, я решался. Бегать от этой дряни можно до самой смерти, которая не за горами, если учесть напряжение от почти постоянной жути. Да и, похоже, не особо от неё убежишь.

Вряд ли она может причинить мне реальный вред – его с потрясающим усердием причиняю себе я сам. Даже если эта пакость – продукт моего воспалённого воображения, с ней жизненно необходимо как-то разобраться.

Только вот как? Сигануть с крыши? Так я ведь жить хочу. Сестра вон вырезала себя из жизни лобзиком – и никому не стало от этого хорошо.

Нет, не поеду я к Виталику, думал я. Не надо его впутывать. У него семья. Без детей, да, но это не значит, что их не будет. Зачем таким чудесным людям, включая планируемых, портить жизнь?

– Виталик. Ты только не обижайся. – Я похлопал друга по плечу. Мы уже почти приехали, и я решил, что надо действовать, пока не расслабился.

– Ну что ещё?.. – заныл Виталик.

– Я домой поеду. Дай мне на талоны денег, ладно?

– Дурак, что ли? Давай сначала всё уляжется, а потом ты домой пойдёшь. Не хватало ещё, чтобы тебя... – Он запнулся. – Короче, мне хоронить тебя вообще не улыбается, понял?

– Не знаю, что ты там себе придумал, но ты ошибаешься. Просто ряд неудачных обстоятельств.

– О который ты прикольно рожу расцарапал, да. – Виталик задышал быстро-быстро, раздувая ноздри. Ну, сейчас рванёт. – Ты меня уже достал со своими непонятками, понял?! Что ты за человек!..

– Поганый, да. Эгоистичный интроверт. – Виталик привык, что я никогда ничего ему не рассказывал. По крайней мере, сразу. Но иногда его эта моя манера нечеловечески бесила.

– Сказал бы я тебе...

– Послушай, – сказал я, чуть помедлив. – Я домой хочу съездить. На похороны. – Этого делать я, конечно, не собирался. Ни за что. Нет, нет и нет. Хотя...

Виталик молча направил авто к себе во двор, не торопясь развернулся и поехал со двора прочь.

– Ты уверен? – спросил он наконец, чуть успокоившись. – Точно стоит с такими твоими... – он огорчённо посмотрел на меня, – делами?..

– Да всё намного лучше уже, – сказал я, начиная потихоньку сам в это верить.

– Ну как скажешь, – вздохнул Виталик. Некоторое время мы ехали молча. Потом он спросил. – Кто тебя избил?

– Никто. Я упал, – ответил я и, в общем-то, не соврал.

Виталик высадил меня почти у самого моего дома и умчал на работу, несколько недовольный.

Я шёл по вытопанной в снегу тропинке, разглядывая слегка великоватые мне Виталькины ботинки. Надо будет вернуть. Эта не ахти какая мысль внезапно придала мне уверенности и бодрости. Я пошёл быстрее.

Дверь была заперта на ключ. Да, точно. Ключ!

Я долго копался в пакете, перемешивая грязные вещи в попытке выудить связку с ключами. Она обнаружилась на самом дне – прорвала дырку и почти вывалилась, неуклюже повиснув на одном из застрявших в дырке ключей.

В скважине замка, когда я проворачивал ключ, неприятно хрустел песок.

Я думал, что будет хуже. Нет, никакого порядка не было – на что я втайне от самого себя надеялся. В квартире царил прежний бардак, при свете дня выглядевший совсем кошмарно. Но хуже точно не стало.

Ощущение было такое, что здесь никого нет и давно уже не было. Я прошагал по липкому полу в спальню. Хотел было открыть форточку, но передумал. Потом. Когда – и если – всё закончится.

Я прислушался. Тишина была полнейшей. Такая тишина случается, если ты дома совсем один. Другого всегда слышно. Или же просто чувствуешь его присутствие. Я не чувствовал ничего. Разве что лёгкое беспокойство и неуют.

Но в квартире, кроме меня, точно никого не было, зуб даю.

– Давай уже, выходи, – сказал я, стоя спиной к заляпанному окну и опираясь на подоконник.

И она вышла.

Просто так вошла в дверь, повернув, как я понял, из кухни. Шла совершенно бесшумно.

Я вцепился в скользкий от жира подоконник, чувствуя, как под пальцами расползаются жёсткие чужие волосы. Меня затрясло. Я не ожидал такого поворота. Хотелось бежать, но не мимо этого существа.

Оно остановилось в двух метрах от меня. Похожее на старуху и девочку одновременно. В изодранной ночной рубашке, испачканной жиром – и прилипшими к нему редкими прядями. Оно стояло и смотрело в какую-то точку за моей спиной.

Присмотревшись, я заметил в правой его руке верёвку. А на верёвке – что-то чёрное и продолговатое, едва приподнятое над полом. Чёрт, это собака! Только дохлая уже очень долго.

Будто бы издеваясь надо мной, дохлая собака дёрнула головой и неуклюже села на задние лапы. Глаз у собаки я не разглядел.

– Ты ведь не моя сестра, – сказал я, стараясь не выпускать из виду эту жуткую парочку.

Клац.

– Нет. – Голос не был женским. И мужским не был. И уж тем более – детским.

– Тогда что тебе от меня надо? – спросил я. Клац.

– Чтобы ты пошёл со мной. – Собака попыталась почесать за ухом и упала на бок. Поднялась с трудом, вздохнула. И улеглась, вытянув передние лапы и положив на них голову. Как мило, твою мать.

– Куда?

– Домой. – Клац.

– Так я же дома уже, – ответил я, невольно усмехнувшись.

И тут эта тварь посмотрела мне в глаза. Весело-весело так. И до усёру страшно.

– Пойдём? – И наклонила голову к левому плечу. А потом запрокинула, выставив шею. Клац. Клац.

Собака зевнула, высунув почерневший язык.

– А где ты живёшь? – спросил я, из последних сил стараясь не соскользнуть в обморок.

– Дома. – Клац. Клац-клац.

– Это понятно. – Я кашлянул, прочищая горло. Голос мой стал хриплым. – Я тоже дома живу. Но ты-то здесь не живёшь. Зачем ты ко мне пришла?

– Потому что ты забыл закрыть дверь! – Она почти выкрикнула эту фразу сквозь рвущийся наружу смех – и вдруг швырнула в меня собаку.

Я на автомате выставил руки вперёд. Но поймал только комок чужой грязной одежды, воняющей кисло и остро. Подвывая, я отпихнул от себя перевязанные верёвкой шмотки.

– Не надо! – заорал я, перепугавшись, что она сейчас ринется на меня. Но она и не думала. Она ринулась от меня.

– Сало! – закричала она задорно и жутко, поворачивая на кухню. – Сало, сало, сало, сало!..

Практически не соображая, что делаю, я побежал за ней так быстро, как только мог.

И догнал.

Ткнул рукой в её отвратительно податливую спину, от чего голова её запрокинулась – и на меня посыпались волосы.

А потом она начала распадаться. Упали на пол грязные куски ткани, разрозненные волосы, какие-то пожелтевшие палочки... Стоп, это, кажется, кости! Только явно не все. У человека должно быть больше.

Когда на пол опали последние волоски, я прохрипел, пытаюсь унять молотилово у себя в груди:

– Сама ты сало... Грязнуля несчастная.

Я заплакал. Напряжение отступило. Я встал рядом с кучкой тряпья и попытался её разобрать носком ботинка. Я хотел увидеть кости. Но костей не было. Несколько жирных следов на полу – и не более.

Убирался я до поздней ночи. Всё, что починке и ремонту не подлежало, я вынес на мусорку.

Тряпье, оставшееся от преследовавшей меня потусторонней неряхи, к которому я всё ещё боялся прикасаться, незаметно по чуть-чуть исчезало – словно таяло. После моего похода к мусорным бакам оно пропало вообще.

Я драил тёплой водой с моющим средством всё, что могло отмыться – изгвазданные обои тоже. Они у меня такие, что их можно мыть. Спал я в одежде на голом матрасе – и меня никто не будил.

Утром я собрал сумку и отправился на вокзал. На карточке, которую тоже пришлось вымыть, оставалось немного денег – как раз на билет.

Я не знал, похоронили Таню или ещё нет. Но мама там всё равно одна теперь – без Таньки. Сразу после того, как я её выгнал – из-за бардака, который она постоянно устраивала у меня дома, сестра поехала к матери. Куда ещё ей было деваться?

Всю дорогу я смотрел в окно. Порой мне начинало казаться, что между деревьями по снегу кто-то бежит босиком – с чёрным куском тряпки на поводке. Но разве можно бегать так быстро?

Клац.